

МОЙ

ПЕРВЫЙ

РОМАН

ЮЛИЯ
ВЕСОВА

Го ЛоС
ВерЫІ

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В38

Рисунок на обложке
Д. Лапшиной

Весова, Юлия.
В38 Голос Веры / Юлия Весова; худож. Д. Лапшина. — Москва :
Издательство АСТ, 2025. — 174, [2] с. — (Мой первый роман).
ISBN 978-5-17-168946-9.

Юлия Весова (настоящее имя Юлия Владимировна Воронцова) — современный детский писатель и поэт, стипендиат Министерства культуры России, лауреат литературных премий в области детской книги. «Голос Веры» — новая книга писательницы. В школе появляется руководитель музыкальной студии, Владус. Он устраивает прослушивание, на котором обнаруживается, что вчерашняя тихоня Вера — прирожденная певица с великолепным голосом. Владус отбирает её для школьного ансамбля. У Веры начинается новая жизнь, в которой теперь есть место не только школе, но и музыке, друзьям и... любви.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Весова Юлия, 2025
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ГЛАВА 1

ПРОСЛУШИВАНИЕ

— Поздоровайтесь, это Владимир Устинович, — Ольгыга театрально махнула рукой в сторону двери. Ольгыгой мы Ольгу Игоревну зовём, учительницу музыки.

Мы встали из-за парт. В класс вошёл мужчина. Он был похож на музейную скульптуру. Худой, высокий, с лицом как будто из гипса. Шмыгнул острым носом с широкими крыльями. Осмотрел класс. Глаза прятались под бровями. Брови были негустые, но нависали, словно скала. А главное — это волосы. Как из рекламы шампуня — пышные и волнистые. Не то что мои сосульки — досталось же от отца такое наследство.

— Спасибо, Ольга Игоревна, дальше я сам.

Он тряхнул головой, откинув волосы назад, и быстрым движением руки показал нам «садиться».

Ольгига, довольная, что остаток урока пройдёт без её участия, уступила место у доски и уткнулась в телефон.

— Кто умеет петь? — с ходу спросил гипсовый.

Класс оживился и загудел.

— Я! И я могу! — громче всех орали с последней парты Габидуллин и Загибай.

Оглушённый хором целого класса, гипсовый отшатнулся.

Могут, ага. Слышал бы он их пение. У нас не музыка каждый раз, а цирк шапито.

— Тут не один медведь постарался, — цедит обычно сквозь зубы Ольгига, — надо петь, Габидуллин, а не кричать, будто тебя режут. Если голоса нет, зачем вперёд лезть?

— А если душа поёт? — язвит Габидуллин и орёт ещё громче.

Гипсовый мотнул головой. Мне тут же представилось, как пёс отряхивается после грязной лужи.

— Выходите сюда, — позвал он.

Габидуллин и Загибай переглянулись.

— Идите, идите, кто смелый?

Артём Габидуллин выполз из-за парты и, озираясь, поплёлся к доске. Миша Загибай пошёл за ним.

— Сладкая парочка, — пробурчала Света Буханкина, сдобная и пухлая, словно собственная фамилия.

— Помалкивай, Буханка, — огрызнулся Загибай.

— А-а-А-а-А, — ни с того ни с сего пропел гипсовый.

Всё затихло.

«Бульк!» — у Ольгыги на весь класс звякнуло сообщение в телефоне.

— Извините, — покраснела она и стала копошиться на своём столе, прячась за стопкой тетрадей.

— А-а-А-а-А, — снова пропел гипсовый.

Я взяла ручку и, пока не забыла, записала на полях в углу тетради его имя «Влад. Ус.»

— Ну, чего молчите? Повторяйте за мной.

Габидуллин и Загибай захихикали.

— Разве тут что-то смешное? Я спросил, кто умеет петь.

Гипсовый взглядом показал парням вернуться на место.

— Давайте я всех прослушаю, — он снова откинул волосы и подошёл к первой парте.

— А-а-А-а-А, — пропел он, глядя на Буханкину.

Светка стала белой, точно мука, потом по щекам у неё расплылись румяные круги, похожие на запечённую верхушку столовской булочки.

— Не стесняйся, здесь нет ничего особенного. Я хочу понять, у кого есть голос, потенциал...

Буханкина встала из-за парты и промычала:

— А... а... а... а... а.

— Хорошо, — сказал Владимир Устинович и подошёл к Валуевой.

Валуева глотнула воздух, как рыба, которую только что вытащили из воды, и попыталась повторить распевку. Кто-то хихикнул.

Гипсовый тряхнул головой и посмотрел исподлобья. Все опять притихли. Он пошёл по рядам. Спели Лена Наумова, Манюня Игошина, Лиза Пузанова, девочки со второго ряда. Оставалась Ира Зарубина, а дальше я...

Я достала телефон и, спрятав под парту, включила фронтальную камеру. Зеркало, конечно, так себе, но я наслюнявила палец и пригладила брови — у меня они, в отличие от волос, густые чересчур, а мама выщипывать не даёт.

Ира пропищала своим мышинным голоском. Подошла моя очередь. Ладони вспотели.

— А-а-А, — затянул гипсовый, и меня тоже начало затягивать. Я смотрела, как на бесцветном лице раздуваются ноздри. Всё больше и больше. Настоящие чёрные дыры. Просто космос, какие огромные. Весь звук, который шёл у него изнутри, проходил сквозь них, словно через медные трубы.

Я спела, быстро уселась на место и начала рисовать на полях вензеля и завитушки.

Мальчики почти всем классом участвовать в прослушивании отказались. Гипсовый вернулся к доске и сказал:

— Простите, я пока не знаю ваших имён. Можно пригласить вас, — он показал рукой на Нику Кривошееву, — и вас.

Я обернулась, пытаюсь понять, кому в нашем ряду он махнул.

— Вас, вас! — Гипсовый смотрел прямо на меня.

— Меня??? — Я ещё раз покрутила головой.

— Да, вас! У вас хороший голос. Вам что же, ни разу не говорили?

Я опустила глаза. Я обожала петь. Знала наизусть все песни, которые крутили по радио и которые напевала бабушка: «Огней так много золотых», «Ой, цветёт калина», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина» — и ещё кучу народных. Но это когда маленькой была. Сейчас папа работает дома и шуметь не разрешает. А в детстве я вечно устраивала концерты, но всерьёз к этому никто не относился. Хвалила только бабушка, но она умиляется всему, что бы я ни сделала: смазанному рисунку или кривой игольной подушке на рукоделии. На то она и бабушка. Мне и в голову не приходило, что я могу петь. Что у меня есть голос.

ГЛАВА 2

ГЛУХАЯ

Да и как верить бабушкиным словам про хороший голос, если она глухая? Правда, пару лет назад она ещё ничего, могла разговор поддерживать, а теперь совсем молчит, в беседу никогда не вступает. Хотя и вступить, по правде говоря, особо некуда. Бесед у нас дома немного. Чаще совсем тишина. Папа всё время работает, ему мешать нельзя. Мама в своих заботах вечно. Спросишь что-то, а она, как бабушка, не слышит. Повторять приходится, и тогда мама откуда-то из своих мыслей выныривает: «А? Вера, ты что-то сказала?»

С бабушкой только я и общаюсь. Особенно если папы дома нет. Потому

что ей кричать надо. Я к самому уху наклоняюсь и говорю громко так, и между каждым словом пробелы ставлю, чтобы одно от другого отделить.

Мама с бабушкой говорит, только когда нужно что-то, ну, там, на обед позвать или про лекарства спросить. А папа совсем не говорит. Хотя это ведь его мама...

Голос у папы тихий, и я в жизни не слышала, чтобы он его повисил. Из папы вообще лишнего не вытянешь, скорее земля треснет, чем он закричит или дверью хлопнет, как делает мама, когда разозлится. Но лучше пусть мама кричит и дверями хлопает. Это, конечно, неприятно, но всегда понятно и не страшно. Если злится папа, у меня внизу живота всё сжимается и нос холодеет, самый кончик. Лицо у папы такое жуткое становится, ледяное, и сам он в камень превращается, который ничем не пробьёшь.

Вот, бывает, он скажет что-то, а

бабушка переспрашивает. Папа сразу нервничать начинает. Я это по щекам вижу, они у него двигаются, оттого что он внутри зубы с силой сжимает. Я тогда бегу переводить. Повторяю бабушке его слова — громко и с пробелами.

Бабушку жалко. У неё такое лицо становится, когда она не слышит... Как у щенка, который не понимает, что ему хозяин говорит. Глаза грустные, и голова чуть набок. А иногда ей что-то скажут, и она кивает, мол, поняла, а в глазах пустота. Значит, не разобрала, а признаваться не хочет, неловко ей. Я тогда за других повторяю или обнимаю её просто. Бабушка меня по руке погладит: «Хороший у тебя голосок, Вера, звонкий».

Кстати, бабушка в юности в хоре пела. Может, голос у меня от неё?

ГОЛОС
ВЕРЫ

ГЛАВА 3

САЛЬТО

Обычно понедельник ужасно тягучий. Шесть уроков, да ещё каких... Математику — ненавижу. Географичка нудит. А физрук обзывает нас сосисками. Но этот понедельник прошёл незаметно.

Я влетела домой, напугала бабушку, обняв её со спины, и закрылась в комнате, чтобы не травмировать маму тем, что я криво сижу, загораживаю себе свет и вообще порчу её представления об идеальном ребёнке.

Гипсовый велел мне и Нике Кривошеевой прийти в актовый зал в среду после уроков. С понедельника до среды — целая вечность.

Параграф по истории я начинала читать

